

*Полистав, вслух повторяя осторожно и трогательно, словно пробуя на вкус и бо-
ясь вступнуть: лепота, вельми, веряя, чресла, навет, златозарный, светосиянный... и от-
кинулся в изнеможении: что это? Если бы отыскался человек, воспитывавшийся в глу-
хом заточении и никогда не слышавший слов: мама, люблю, дорогой, спасибо, никогда от
рождения своего не ведавший ласки и не засыпавший под колыбельную, он бы их тотчас
понял и узнал при встрече, потому что он и не жил без них, всё ждал и ждал, когда при-
коснётся к нему волшебная палочка их звучания и оживит его. Иван точно клавиши пере-
бирал, и дивная музыка узнавания звучала в нём мягкими и торжественными аккордами.
Все эти слова, все эти понятия в Иване были, их надо было только разбудить... «Душу
мою озари сияньми не вечерними», – пропел Иван, заглядывая в словарь и опять замирая в
восторге и изнеможении [6, с.154-155].*

Церковнославянский язык достаточно сложен. «Развитие языка идёт отнюдь не т
простого к сложному, скорее как раз наоборот – латынь, санскрит, старославянский, древ-
негреческий и древнеанглийский обладают гораздо более богатой и сложной структурой,
чем современные языки, которые произошли от них [7]. Не менее сложными оказываются
и истолкования, например, библеизмов, о чём пишет, в частности, Ек.А. Попова в статье
«Библейская языковая стихий в аспекте лексикологии и прагматики [8].

Разумеется, мы ориентируемся сейчас на прикладные аспекты: поощрение интереса
к церковнославянскому языку, цитирование полубившихся выражений, реконструкция
некоторых слов в лингвотическом аспекте, заучивание наизусть отдельных отрывков из
текстов.

Нашего современника и соотечественника церковнославянский язык способен обо-
гатить и укрепить духовно, оснастить новыми смыслами и новой символикой, утолить его
голод по идеальному языку, окрыляющему повседневность с её энтропией, динамикой и
непредсказуемостью.

Литература

1. Коржавин Н. Анна Ахматова и «серебряный век» // Новый мир, 1989, № 7. С. 240-261.
2. Орбий С. Пассионарные книги // Знание – сила. 2012, № 12. – С. 92-93.
3. Берджесс Дж. Влияние Библии короля Иакова на политическую риторику Авраама Линкольна // Библия короля Иакова: 1611 – 2011: Культурное и языковое наследие / Отв.ред. Е.Б. Яковенко. – М.: Буки-Веди, 2013. С. 238-242.
4. Прус И. Слово формирует взгляд // Знание – сила. 2008. № 8. С. 22.
5. Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви: В 7 книгах. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Книга первая. – 408 с.
6. Распутин В.Г. Дочь Ивана, мать Ивана: Повесть // Дочь Ивана, мать Ивана: Повесть. Рассказы. – М.: Изд-во РАГС, 2009. – С. 7-188.
7. Петров Д., Борейко В. Магия слова: Диалоги о языке и языках. – М.: ПРОЗАИК, 2011. – 208 с.
8. Попова Ек.А. Библейская языковая стихий в аспекте лексикологии и прагматики // Структурно-семантическая специфика и функционально-коммуникативный статус языковых единиц. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет, 2004. – С. 112-121.

НОВЕЙШАЯ КРИТИКА СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ (БРЯНЧАНИНОВА): ОПЫТ АПОЛОГИИ

Александр Сергеевич Прудников
магистрант СТФ ФГАОУ ВО НИУ «БелГУ»
(Россия, г. Белгород)

Критика трудов свт. Игнатия (Брянчанинова) имеет достаточно большую историю. Ещё при жизни святителя между ним и святителем Феофаном (Говоровым) существовала дискуссия по поводу природы ангелов и человеческих душ. Святитель Феофан даже издал книгу, в которой доказывал неверность взглядов свт. Игнатия по этому вопросу. Менее известен тот факт, что на сочинения святителя Игнатия имел неблагоприятный взгляд другой

выдающийся церковный деятель 19 в., святитель Филарет (Дроздов). Свт. Игнатий жаловался, что по указу московского митрополита цензура так перемарывала его сочинения, что «рукопись делалась нигде негодною, а сочинение делалось чуждым мне и получало искаженный вид, могущий соблазнить читателя, а автора сделать посмешником публики» [10]. Оппозиция свт. Филарета была молчаливой: мы точно не знаем причин его отношения к трудам Брянчанинова. Однако, можно предположить, что умеренному во взглядах московскому святителю были не по вкусу радикальные и в чём-то ригористские взгляды святителя Игнатия.

Обращаясь к критике новейшего времени, уместно вспомнить и дневники протопревитера Александра Шмемана [13] и публикации протодьякона Андрея Кураева [6], однако, наиболее обширную и аргументированную критику мы встречаем в статьях игумена Петра Мещеринова [8] и публикации священника Филиппа Парфёнова [7].

Критика святителя Игнатия рассыпью содержится практически во всех публикациях игумена Петра. В своих интервью он часто позволяет себе употреблять цитаты из его трудов в ироническом контексте, показывая абсурдность их применения в той или иной ситуации. Выделим основные положения критики этого известного миссионера и катехизатора.

Прежде всего, это претензия к учению свт. Игнатия о том, что человек по причине духовного трезвения должен игнорировать в себе все чувства, которые он может идентифицировать как духовные [4]. Пытаясь обосновать несостоятельность «тотального недоверия» к себе, которое якобы проповедуется сочинениями Брянчанинова, игумен Пётр последовательно критикует логически связанное с этим учение о том, что благодать не усваивается человеком в его страстном (повседневном) состоянии [9]. Подтверждая свою мысль, отец Пётр осознанно (в этом он сам признаётся) выдирает из контекста мысли свт. Игнатия, извиняя себя далее тем, что именно так сочинения владыки понимают и усваивают церковные массы. Так ли это в действительности или нет – вопрос сложный, но о. Пётр, имеющий за плечами многолетний пастырский и монашеский опыт, настаивает, что это так. Более того, отец Пётр утверждает, что чуть ли не все проблемы нашей современной церковной жизни происходят от чрезмерного увлечения творениями свт. Игнатия. Этим де грешат и монахи, и священники, и миряне, и семинарское образование. Отец Филипп Парфёнов, перечисляя плоды некритического восприятия трудов свт. Игнатия, называет «обскурантизм, гносеомахию, внутреннюю несвободу в отношении к внешнему нехристианскому миру, неспособность к творчеству и самостоятельному мышлению внутри Церкви вследствие устойчивого недоверия к ним у части аскетически настроенных православных» [7].

Приступая к разбору критики отца Петра, приведём один из его важнейших тезисов: «Существенной духовной ошибкой св. Игнатия было постулирование того, что человек в состоянии страстном (т. е. повседневном) не способен к принятию божественной благодати, – тем самым упрядняется значение Церкви и её Таинств» [8]. Но так ли считал владыка Игнатий? Напомним, что святитель Игнатий писал, главным образом, для монахов, а значит главным лейтмотивом его творений была личная Пятидесятница - освящение человека, явленное, осязаемое и осознаваемое. Не освящение, о котором можно богословски дискутировать (как о таинстве – произошло оно или нет), а освящение, имеющее, главным образом, субъективный, нравственный вес. Именно высота этой цели порождает в сочинениях Брянчанинова такой жёсткий, быть может, ригористический тон.

Можно предположить, что свт. Игнатий имел в виду, что в страстном состоянии в человеке любое добро смешано со злом, а это значит, что он не может доверять, иначе говоря, руководствоваться собой, даже при освящении от Таинств. Иными словами усваивается ли благодать или не усваивается – это проходит (должно проходить) мимо человеческого внимания. Он не должен обращать на это внимание, иначе говоря, исповедовать благодать как благодать, исповедовать себя спасённым. Отсюда и скорбный тон творений свт. Игнатия – игнорирование своего спасения до полного очищения от страстей, отделения добра от зла в себе.

То, что не увидел в сочинениях Брянчанинова игумен Пётр, увидел в них отец Георгий Флоровский, писавший о свт. Игнатии: он «был очень строгий ревнитель аскетической традиции. «...» у него... начертывается идеал духовной трезвости, с особенным предостережением против мечтательности. Но аскетическое приготовление, смирение и самоотречение, не заслоняет таинственной цели всего пути: стяжание мира Христова, встреча с небесным Странником и Гостем ищущих душ. «Ты приходишь! — я не вижу образа пришествия Твоего, вижу Твое пришествие...» [12].

Далее игумен Пётр утверждает, что покаяние в контексте свт. Игнатия понимается, как полную пассивность и самоуничтожение, «на практике приводящую к бесплодному унынию» [9]. Этому покаянию он противопоставляет учение о богообщении, которое раскрывает и аргументирует на основе сочинений свт. Феофана (Говорова). Игумен Пётр видит в «игнатианском» покаянии (сам о. Пётр использует понятие «игнатианская парадигма») только внутренне-психологическую составляющую, тогда как на самом деле сочинения свт. Игнатия говорят нам о другом покаянии — покаянии, в котором человек деятельно приносит живые жертвы Господу. «Покаяние есть бескорбное отвержение всякого телесного утешения» [5]. То, что игумен Пётр предлагает, как богообщение, находится у свт. Игнатия под другими названиями — самоотречение, ревность к угождению Богу, подвиг. Брянчанинов нигде не утверждает, что в человеке при этом не может быть никаких высоких чувств и ощущений. Он лишь увещевает не обращать на них внимания, не превращать ощущения во внутренний стимул для подвига. Стимул и мотивация должны быть сугубо когнитивными, антропогенными — это должна быть вера в существование иного, небесного жителя уже на земле. «...уверовавшие существованию христианского совершенства, устремляются к нему всеусердно, вступают в неослабный подвиг для достижения его» [3]. Отец Пётр, судя по всему, настаивает на том, что мотивация должна (или может) иметь и благодатную, сверхъестественную природу, притом ощущаемую. И эта мотивация и есть богообщение. Человек должен *чувствовать* Бога. «Неверно, если бы кто стал думать, - цитирует свт. Феофана игумен Пётр, - что когда богообщение поставляется последнею целью человека, то человек сподобится его *после*, в конце, например, всех трудов своих. Нет, *оно должно быть всегдашним, непрерывным состоянием человека*, так что, коль скоро нет общения с Богом, *коль скоро оно не ощущается*, человек должен сознаться, что стоит вне своей цели и своего назначения» [9]. Свт. Игнатий не столько учит тому, что никаких истинно духовных чувств не может и не должно быть у необлечённого в святость человека, сколько учит именно недоверию, то есть тому, чтобы человек не руководствовался собой.

Критика игумена Петра не находит подтверждения в творениях Игнатия Брянчанинова. Святитель нигде не настаивает на том, что цель духовной жизни в беспросветном самоуничтожении. Более того, у святителя есть множество цитат, которые также подтверждают мысль игумена Петра, якобы отсутствующую у Брянчанинова и присутствующую у Феофана (Говорова), о том, что спасение человека заключается в восстановлении общения с Богом. Приведём хотя бы одну из них: «Погибель наша совершилась через уничтожение общения нашего с Богом и через вступление в общение с падшими и отверженными духами. Спасение наше заключается в расторжении общения с сатаной и в восстановлении общения с Богом» [3]. Приводя эту мысль, святитель Игнатий, кстати, ссылается на такой «прозаичный» богословский памятник, как чинопоследование Св. Крещения из Требника... Да и сам свт. Феофан, хорошо знакомый с творчеством Брянчанинова, никогда не критиковал его в этом ключе.

Критику игумена Петра можно было бы рассматривать как добросовестную и основательную в контексте пастырско-педагогическом, то есть если бы целью её являлось исправление *неверного усвоения* церковным народом наследия святителя Игнатия. На этой задаче своей критики настаивает и сам о. Пётр [8]. Но давайте зададимся вопросом: можно ли проследить реальную взаимосвязь между популяризацией творений свт. Игнатия и тем страшными последствиями, которые они якобы привнесли в современную жизнь Церкви? Можем ли мы на основе литературы 19-го и более ранних веков сказать, что христиане,

принадлежащие к Русской Церкви, могли запросто общаться на тему того, как они чувствуют Бога, как Его должно чувствовать и как не должно? Присутствовали ли подобные темы в принципе в пастырской практике Церкви синодального периода или ранее? По всей видимости, нет. Если все проблемы современной Русской Церкви происходят именно из-за неверно усвоенного наследия свт. Игнатия, то мы должны обнаружить кардинально иной опыт пастырского душепопечения и общения между христианами в России вначале 19 в. и ранее. Но мы не находим этого. Игумен Пётр часто открещивается от именования себя модернистом, однако нам нужно признать, что его идеи при всей своей ценности вводят в религиозно-церковную жизнь нечто новое.

Другой современный критик, священник Филипп Парфёнов, обращает внимание на ту грань учения свт. Игнатия, которую игумен Пётр обозначил как «агрессивный антиэкуменизм» [8]. Отец Филипп выстроил свою критику вокруг известного письма владыки, имеющего заглавие «О невозможности спасения иноверцев и еретиков». В этом письме он поднимает тему добра падшего естества, используя её как аргумент для отказа в наследовании вечной жизни иноверцам. Добро падшего естества – широко используемое у Брянчанинова понятие – есть те движения души и ума, которые хотя и побуждают человека на внешне добрые дела, но, по причине нехристианского взгляда на их смысл и цену, не имеют спасительного действия, равного добрым поступкам христианина. «У верующего во Христа обнажен против чувств сердечных меч Христов, и он насилует свое сердце, отсекая мечем послушания Христу не только явные порочные стремления, но и те стремления, которые, по-видимому, кажутся добрыми, по самой же вещи противоречат евангельским заповедям. А такова вся деятельность человека, направленная по влечениям естества падшего. «...» Дела мнимо-добрые, по влечению падшего естества растят в человеке его я, уничтожают веру во Христа, враждебны Богу; дела *веры* умерщвляют самость в человеке, растят в нем *веру*, возвеличивают в нем Христа» [3]. Свт. Игнатий сравнивал душевных христиан с Надавом и Авиудом, сыновьями Аарона, которые принесли чуждый огонь в скинию и были поражены от Господа смертью (Лев. 10: 1,2).

Критика данной позиции отцом Филиппом сводится к тому, что Евангелие во множестве примеров показывает, что Христос не отвергал добро падшего естества: например, со стороны прокажённого самарянина (еретика), который, из числа десяти других прокажённых, единственный вернулся возблагодарить Иисуса; или со стороны кающейся блудницы [7].

Но давайте зададимся вопросом: изрекал ли Иисус Христос окончательный суд над теми людьми, которых Он встречал? Имеется в виду окончательный духовный суд – тот, про который мы говорим, когда рассуждаем о спасении или неспасении. Одних он обличал, но в то же время призывал к покаянию. Других исцелял, но вместе с тем призывал больше не грешить. Даже предателя Иуду он вразумлял до последнего [1]. Разбойнику Он обещал вечное блаженство, однако то было обещание, данное человеку в преддверии смерти. Отец Филипп приводит в пример 17 главу Евангелия от Луки, в которой очистившемуся от проказы самарянину Христос сказал: «Встань, иди, вера твоя спасла тебя» (Лк. 17:19). Но блаженный Феофилакт, толкуя это место, не говорит о том, что то был окончательный, духовный суд Вечного Судии [11]. Господь хвалит всякое доброе дело и всякое благое движение человеческой души, но суд выносит над всей жизнью человека. В конце концов, те люди, о которых мы читаем в Евангелии, жили дальше, и их жизнь могла сложиться самым разнообразным способом.

К этой проблеме стоит подойти с другой стороны, не со стороны Бога, а со стороны человека. Если точка зрения о. Филиппа верна, то получается, что человек может спастись, не зная об этом. Этот вопрос – вопрос о спряжении спасения и познания, – по большому счёту, ключевой при определении сотериологического веса падшего естества. Очевидно, что приближаться к Богу неосознанно человек может, но – до поры, до времени. У такого неосознанного спасения есть свой предел. Предел этот – Церковь и Евангелие. Каким бы ни был хорош человек сам по себе, все его добрые дела и качества – лишь приготовление к той встрече с Еванге-

лием и Церковью, которое готовит ему Бог. Чем больше человек творит добрых дел, тем быстрее и глубже будет эта встреча. Но сама эта встреча намного значительней всех предыдущих дел, т.к. именно в ней человек обретает и награду за всё сделанное, и познаёт его смысл. До этой встречи человек спасался неосознанно, после неё – он либо свернёт с этого пути, если отвергнет Евангелие, либо будет идти дальше, осознанно руководствуясь заповедями.

Осознанное соотносении своих добрых побуждений, чувств и мыслей с Евангелием и учением Церкви и есть, собственно, одно из главных отличий добра падшего естества от добра во Христе. Человек, не дисциплинирующий себя учением Церкви, совершает добро по порыву, потому и предписывает его себе. Граница тут – познание и знание. Это и есть «Невинность и Опыт, показывающие два противоположных состояния души человеческой» [2].

Литература

1. Александр (Милеант), епископ. Закон Божий. [Электронный ресурс] URL: http://www.zakonbozhiv.ru/Zakon_Bozhiv:Chast_3_Novyj_Zavet:TajnaJa_VecherJa (Дата обращения: 1.04.2017 г.)
2. Блейк Уильям. Песни Невинности и Опыта. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lib.ru/POEZIQ/BLAKE/blake.txt> (Дата обращения: 1.04.2017 г.)
3. Игнатий (Брянчанинов), святитель. Собрание сочинений в 7 т. - М.: Терирем, 2011.
4. Интервью игумена Петра (Мещеринова) portalу pravmir.ru. [Электронный ресурс] URL: <http://igpctr.org/pravila-chitayutsya-posty-postvatsya-a-zhizni-vo-hriste-malovato>: (Дата обращения: 1.04.2017 г.)
5. Иоанн Лествичник, преподобный. Лествица. - Новосибирск: Сибирская благовонница, 2016 г. – 573 с.
6. Кураев отложился от свт. Игнатия. - <http://krutitsy.livejournal.com/3243.html> (Дата обращения: 1.04.2017 г.)
7. Парфёнов, Ф., свящ. Свт. Игнатия Брянчанинов и плоды его не критического восприятия. [Электронный ресурс] URL: <http://pretre-philippe.livejournal.com/188366.html> (Дата обращения: 1.04.2017 г.)
8. Пётр (Мещеринов), игумен. Вызовы сегодняшнего дня – взгляд из России. Доклад на международной конференции «Богословие общения. Пути развития и точки соприкосновения между Россией и Западной Европой», 2010 г. [Электронный ресурс] URL: http://igpctr.org/vvzovy-vzglad-is-rossii/?_url_t=fb (Дата обращения: 1.04.2017 г.)
9. Петр (Мещеринов), игумен. Мучение любви, или... // Альфа и Омега. - М. – 2006. № 4 (45). – 9–12 с.
10. Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. - М.: Изд. им. свт. Игнатия Ставропольского, 2002. – 502 с.
11. Феофилакт Болгарский, блаж. Толкование на Святое Евангелие. - М.: Благовест, 2016 г. – 751 с.
12. Флоровский Георгий, протопр. Пути русского богословия. - М.: Русская цивилизация, 2009. – 848 с.
13. Шмеман Александр, протопр. Дневники. [Электронный ресурс] URL: <http://predanie.ru/shmehan-aleksandr-protioierev-book-70829-dnevniki> (Дата обращения: 1.04.2017 г.)

ТЕОЛОГИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНОГО ПАРАДОКСА СВОБОДЫ

Исаев Владимир Данилович,
доктор философских наук, профессор
заведующий кафедрой мировой философии и теологии
Луганского национального университета им. Владимира Даля ;
протоиерей Александр Пономарев
(ЛНР, г. Луганск)

Где Дух Господень, там свобода (2 кор. 3:17).

Сегодня нет более распространенного в СМИ и научных и научно-популярных изданиях слова, чем слово «свобода». Например, «google» выдает на запрос о свободе 46 500 000 позиций. О многозначности и размытости значений этого понятия говорит и «Философская энциклопедия», отмечая, что свобода есть многозначное понятие, крайние значения которого определены в энциклопедии как (1) «возможность индивида самому определять свои жизненные цели и нести личную ответственность за результаты своей деятельности и (2) как возможность действовать в направлении цели, поставленной кол-